

УДК 82.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-78-83

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ОБРАЗА ВРАЧА В ПРОЗЕ А. И. КУПРИНА

Тихомирова А. О., Ильина Е. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Дифференцировать образы медиков и выявить специфику их раскрытия в прозе А. И. Куприна.

Процедура и методы. Рассмотрены разноплановые образы врачей в малой прозе и крупных произведениях. Проанализированы социальный аспект раскрытия подоплёки отдельных ситуаций, воспроизведённых И. А. Куприным, а также психологическая составляющая изображаемых характеров. Используются сравнительно-сопоставительный, описательный и герменевтический методы исследования.

Результаты. В работе сделан вывод, что посредством представления мировоззрения и поведения персонажей-медиков писатель заострил нравственно-этические вопросы и представил идею ценности человеческой жизни. В раскрытии разнообразных аспектов образов врачей содержательная сторона органично связана с художественной формой её реализации. Использование различных приёмов психологизма придаёт прозе писателя достоверность и убедительность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут послужить теоретическим подспорьем для дальнейшего научного исследования медицинской тематики в текстах художественной литературы и для лекционных материалов по русской литературе XX в. – углублённых курсов по творчеству А. И. Куприна – на филологических факультетах высших учебных заведений.

Ключевые слова: авторская концепция, деталь, образ врача, сюжет, философия жизни и смерти, этические вопросы

A MULTIFACETED IMAGE OF A PHYSICIAN IN A. KUPRIN'S PROSE

A. Tikhomirova, E. Ilyina

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the work is to differentiate the images of physicians and to identify the specifics of their characterization in A. Kuprin's prose.

Methodology. Various images of physicians in small prose and large works are considered. The social aspect is analyzed in revealing the background of individual situations reproduced by Kuprin, as well as the psychological component of the characters portrayed. The research relies on comparative, descriptive and hermeneutical methods.

Results. The paper concludes that in the worldview and behavior of medical characters, the writer touches upon moral and ethical issues and the idea of the value of human life. In portraying of various aspects of the images of physicians, the content side is organically connected with the artistic form of its implementation. The use of various psychological methods makes the writer's prose credible and persuasive.

Research implications. The results of the paper can serve as a theoretical background for further scientific research of medical topics in fiction, and can be used for lecture materials on Russian literature of the twentieth century and, in particular, on the work of A. I. Kuprin at philological faculties of higher educational institutions.

Keywords: author's concept, detail, image of a doctor, plot, philosophy of life and death, ethical issues

Введение

Гуманистическая направленность произведений Александра Ивановича Куприна возвращена его тяжёлой биографией: сиротство, бедность, жестокое обращение матери в детстве, тяжёлые условия военного обучения [4]. Помимо непростых жизненных обстоятельств, писателя одолевали различные болезни. Многие родственники А. И. Куприна имели медицинские профессии. Помимо этого, он сам одно время учился на зубного врача, а также работал в морге¹.

Тема медицины, связанные с ней раздумья о человеческих болезни и смерти широко представлены в художественном и документальном творчестве А. И. Куприна. В его рассказах часто встречается образ доктора. В запечатлении психологического облика, высот профессионализма или его отсутствия, разнонаправленных устремлений врачей, выведенных крупным планом в том или ином произведении, выражено обобщённое авторское представление о созидании и разрушении, о способности индивидуума, имеющего самую гуманную профессию в мире, совершить некий прорыв, даже подвиг, или равнодушно пройти мимо болящих и страждущих в абсолютной уверенности в собственной непогрешимости.

Подобно многим купринским произведениям, в которых идёт речь о представителях разных специальностей и призваний, в рассказах о врачах авторское внимание сосредоточено в первую очередь на воссоздании внутренних порывов, душевных импульсов персонажей, нравственной (или безнравственной) мотивации их действий.

¹ Тришина А. Александр Куприн и медицина // Гатчинка.рф: областная интернет-газета. URL: <http://gatchinka.ru/nb/aleksandr-kuprin-i-meditsina.html> (дата обращения: 08.01.2022).

Типология образов врачей в прозе А. И. Куприна

Масштабно и углублённо взгляды А. И. Куприна прослеживаются на контрасте нескольких тематически похожих, но разных по развязке произведений. Думается, можно соотнести по «наполнению» содержания и по сюжетной основе рассказы «Детский сад» (1897), «Чудесный доктор» (1897) и «Слон» (1907) – их объединяет мотив болезни ребёнка. Но пафос у каждого из произведений разный: в «Чудесном докторе» и в «Слоне» – это исцеляющее чудо, а в «Детском саде» – это жестокость общественного устройства, о которую разбивается надежда нищего писца Ильи Самойловича Бурмина на выздоровление дочки Сашеньки.

Желание Нади, героини рассказа «Слон» («хотела настоящего, живого слона»²), сбывается, и девочка выздоравливает после долгой депрессии. Осуществлённая же мечта Сашеньки («Детский сад») о посещении общественного сада оборачивается иллюзией и не спасает её от смерти. Судьбы детей определяются в авторской оценке именно моральной позицией героев-врачей, играющей решающую роль в вопросе жизни и смерти.

Доктор Михаил Петрович даёт мудрый совет матери Нади: «Исполняйте все её капризы»³, – и следование данному совету помогает родителям девочки вернуть ей прежнюю жизнерадостность. Образ доктора из рассказа «Детский сад» поначалу привлекает к себе читательское внимание, кажется возвышенным: врач не берёт денег с бедных людей. Но одна яркая деталь разрушает эту иллюзию: «Доктор спустился в подвал, где Бурмин занимал правый

² Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4 / под ред. П. Вячеславова. М.: Правда, 1964. С. 400.

³ Там же. С. 398.

задний угол, и долго искал места для своей *енотовой шубы*. Но так как все места были сыры и грязны, то он остался в шубе» (курсив наш. – Е. И.)¹. Дорогая, комфортная одежда и страх врача испачкать её – это, конечно, ещё не показатель душевной скудости человека. Однако с каждым дальнейшим словом персонажа подспудно проявляется его внутренний облик. Доктор даёт стандартные рекомендации по лечению болезни Сашеньки (например, «морские купания» на «южном берегу Крыма»²), хотя в глубине души наверняка понимает, что Бурмин не сможет их выполнить: у писца нет средств даже на хорошее питание для дочери. Стремящийся выказать свою «гуманность» по отношению к простому народу (проявляя её в бесплатности своих консультаций), богатый и холёный доктор на самом деле абсолютно равнодушен к судьбе нищего обречённого ребёнка, а доверчивая детская душа и её трогательная надежда на просветление окружающего мира всегда были центром авторского внимания. По мысли Б. Хатидже, «вера ребёнка показана как непосредственное и бессознательное состояние» [3, с. 10]. Гибель ребёнка – это гибель чистого цветка, ростка добра в насквозь прогнившем мире.

Сергей Фирсыч Смирнов из рассказа «Мелюзга» (1907) совершенно искренне считает себя врачом, хотя он всего лишь фельдшер. Себялюбивый и самоуверенный, живущий в глухомани, оторванной от цивилизации, Смирнов «знает в медицине решительно всё и по всем отраслям. По крайней мере сам он в этом так глубоко убеждён, что к учёным врачам и к медицинским авторитетам относится даже не с презрением, а со снисходительной жалостью. Лечит он без колебаний и без угрызений совести, ставит диагноз мгновенно»³, кричит на пациентов и тратит на их «лечение» всего три минуты. Знаменательным

становится тот факт, что Смирнов так же, как и его друг-недруг учитель Астреин, – «неудавшиеся попы»⁴, занимающие чужое место в жизни. Учитель земской школы, пьющий на уроках, и гордый своим призванием «врач» давно погрязли во взаимных ненависти и презрении, однако в глубокой провинции, окружённой непроезжими дорогами, их неодолимо тянет друг к другу. Символическое название «Мелюзга» воссоздаёт двойственное авторское отношение к героям. С одной стороны, нотки сочувствия слышны в сцене монолога Астреина, где он рассуждает о значимости свершений не только великого архитектора, но и обычного «мелкого» каменщика, закладывающего кирпичи в общий фундамент мироздания. С другой – «мелюзгой» обозначается нравственное вырождение бывших «духовных» лиц. Именно поэтому судьба карает Смирнова: перед тем, как фельдшер погиб в реке, «ему послышался ... густой, частый звон колокола»⁵. Эта деталь призвана подвести читателя к мысли о высшем, Небесном Суде над героем. За пренебрежение к чужим жизням Смирнов поплатился собственной, а вместе с ним утонул и Астреин. От работы врача и учителя напрямую зависит основа жизни человечества на физическом и моральном уровнях – неудивительно, что А. И. Куприн заостряет внимание на саморазрушении обоих: тонут они в бурлящей водной стихии. По мнению Т. А. Каймановой, учитель Астреин во многом является носителем авторской философии (вспомним, например, монолог о русском менталитете или уже упомянутое высказывание о пользе труда человека каждой профессии): «все мечтатели и все влюблённые в жизнь в рассказах Куприна – это он сам, цельный и непосредственный человек»⁶. Показательно, что персонаж, претендующий на роль протагониста, – умный, рассуждающий об эволюции человеческих способностей, – свой дар загубил, духовно опустился. Остаётся

¹ Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2 / под ред. П. Вячеславова. М.: Правда, 1964. С. 151.

² Там же. С. 152.

³ Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4 / под ред. П. Вячеславова. М.: Правда, 1964. С. 453.

⁴ Там же. С. 453.

⁵ Там же. С. 477.

⁶ Купринская энциклопедия / гл. ред. Т. А. Кайманова. Пенза: ИП Соколов А. Ю., 2016. С. 17.

только гадать, какую пользу Астреин принёс бы обществу, если бы он серьёзно относился к делу воспитания и образования детей, подобно тому, каким бесценным в отрезанной от цивилизации глуши могло оказаться будничное трудолюбие фельдшера.

Медицинские ошибки всегда сопряжены у А. И. Куприна с проявлением душевной слепоты, эгоцентризма и безразличия. Так, безымянный врач-психиатр из рассказа «Путаница» (1907) счёл душевнобольным здорового человека, принудительно отправил его лечиться и этим сломал человеку жизнь. Внешняя занимательность интриги, увлекательный сюжет, динамика повествования не устраняют чудовищного по своей силе финала: герой оказывается надолго запертым в психиатрической больнице и в итоге сходит с ума. Доктор Ильяшенко из рассказа «Корь» (1904) посоветовал студенту Вознесенскому прочесть богача-псевдопатриота Завалишина, вступив в любовную связь с его супругой: заронил эту идею в сознание молодого человека, практически «дал добро» на совершение гнусного поступка и тем самым, возможно, спровоцировал дальнейшие драматические события.

Подчёркнуто контрастным, по сравнению с предыдущими художественными образами, представляется герой знаменитого «Чудесного доктора», написанного в том же году, что и «Детский сад». В рассказе А. И. Куприн предлагает альтернативный сюжет о богатом докторе и нищей маленькой пациентке. Рассказ основан на реальных событиях¹, но дополнен и расцвечен силой авторского воображения, построен на антитезах: свет нарядных предновогодних улиц – всепоглощающая тьма крохотной лачуги, повсеместно распространённая безжалостность – побеждающие её милосердие и благородство, тотальное отчаяние в зачине рассказа – радость жизненных перспектив в финале. Профессор Пирогов

сделал всё, что было в его силах, чтобы помочь семье Мерцаловых, у которых заболела дочь. Выдающимся образом врачей в художественной прозе А. И. Куприна свойственны бескорыстное желание помочь человеку, оказавшемуся в трудной ситуации (доктор Калинович из рассказа «Винная бочка» (1914)), беспокойство о жизни и здоровье пациента, стремление предостеречь его от ошибок (доктор Лиховицын, персонаж рассказа «В цирке» (1902)).

В теме болезни А. И. Куприн заостряет *этические вопросы*. Некоторых персонажей-врачей сложно однозначно соотносить по признаку авторских симпатий или антипатий: их поступки можно оценить с разных позиций. В рассказе «Светлый конец» (1913) домашний врач Иван Андреевич скрывает от больного князя Атяшева страшную правду: князь неминуемо умрёт со дня на день. Нанятый в Ялте врач – профессор Пятницкий – оказался прямолинейным человеком: он открывает герою страшную правду. Что лучше – ложь во спасение или горькая истина? Инженер Андрей Ильич Бобров (повесть «Молох», 1896) испытал тяжёлое разочарование в любви. Имел ли право доктор Гольдберг исполнять просьбу полубезумного от горя Боброва о дозе морфия, зная, что Андрей Ильич страдает зависимостью от этого наркотика и лишь недавно «начал упорную борьбу»² с ней? Доктор Клименко из повести «Яма» (1915) проводит регулярные гинекологические осмотры проституток: это закономерно или должно отталкивать в своём бесстыдном цинизме? С одной стороны, доктор оберегает здоровье женщин, а с другой – определяет проституцию относительно безопасной профессией, а значит, более доступной, привлекательной и оправданной. А. И. Куприн оставляет все эти вопросы открытыми. Да, на поверхности читателю может показаться, что доктор Клименко не совершает ничего плохого. Но задумываться об этичности его поведения нас заставляет ещё один эпизод повести: когда в публичном доме проходил общий

¹ Роженцева Е. Чудесный доктор. К 210-летию Николая Ивановича Пирогова // Издательство «Русское слово»: [сайт]. URL: <https://русское-слово.рф/articles/176136> (дата обращения: 15.01.2022).

² Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2 / под ред. П. Вячеславова. М.: Правда, 1964. С. 5.

гинекологический осмотр, в уборной повесилась проститутка Женька. Узнав о произошедшем, «на крики пришёл доктор... Именно, *пришёл*, а не *прибежал*»¹. Как отмечает А. И. Куприн, доктор за время своей практики научился быть равнодушным к страданиям людей. Профессиональный, но бездушный врач не сможет принести пользу людям. Публичный дом на Ямках является собирательным образом пороков всего российского общества, что заостряет значимость происходящих в повести событий [1].

При раскрытии образа врача А. И. Куприн порой не столько затрагивает его способность к милосердию или подвигу ради спасения чужой жизни (аспект, затронутый выше), сколько показывает его силу духа, проявляемую при переживании собственных несчастий, и способность к самопожертвованию. В рассказе «Нарцисс» (1897) стареющий уездный доктор Матвей Кузьмич, видя влюблённость своей молодой жены Виктории в приезжего репетитора-студента Санина, готов не препятствовать их связи ради счастья любимой женщины: «Делайте что угодно... только... только, прошу вас... не обращайтесь меня в сказку города. Мне это было бы слишком тяжело ... Викторию Ивановну я обожаю, даже больше – я молюсь на неё»². Многочисленные паузы в речи Матвея Кузьмича свидетельствуют о том, насколько трудно даётся ему решение отказаться от супружеских прав на Викторию, смириться с её любовником. Но он всё же готов на такую жертву, чтобы привнести в жизнь Виктории, страдающей от немоты и нервных припадков, новые краски. Чем сложнее выбор героя, тем сильнее его благодарность студенту, когда тот отказался от предложения: читательское восприятие душевных коллизий дополняет многогранность образа доктора даже в столь малом объёме художественного текста. Рассказ

«Бонза» (1896) дополняет обозначенную характеристику высокого профессионала. Невосполнимая потеря четверых детей и расставание с женой не смогли сломить Дмитрия Субботина. По А. И. Куприну, страдания закаляют и очищают душу: наблюдать мучения и смерти людей во время каждодневной работы, неоднократно переносить трагедии в семейной жизни и при всём этом сохранить доброту и чуткость – большой духовно-нравственный подвиг, на который способен далеко не каждый человек.

Заключение

С темой болезни и образом медика у писателя Александра Куприна связана его *философия жизни и смерти*: врач обречён вечно стоять на их границе. Как справедливо заметила Л. А. Смирнова, собственные воззрения писатель «всегда выражал эмоционально открыто и художественно убедительно» [2, с. 266]. Врач порой является последней надеждой для героев А. И. Куприна. Если он бессилён помочь, его пациент гибнет («Детский сад», «Светлый конец»). Врач вынужден часто находиться бок о бок со смертью и смотреть ей в глаза («Мясо», 1895). Врач – единственный человек, способный сразиться со смертью и выйти победителем из данного сражения. Жизнь всегда очень ценилась А. И. Куприным, поэтому писатель требователен к её защитникам – к людям в белых халатах: чтобы спасти человека, им нужно быть гуманными, способными к бескорыстной, самоотверженной помощи ближнему. Чётко проведённая в творчестве А. И. Куприна концепция веры в справедливость *исцеления* основывается на тяготении к достоверности воспроизведённых событий (рассказ «Чудесный доктор»). В свою очередь, суровая «правда жизни» раскрывается посредством разных форм психологизма – детализации, «штриховых» внутренних портретов, т. е. подтекстовой авторской характеристики.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022.

¹ Куприн А. И. Яма. Гранатовый браслет. Олеся. Поединок. Суламифь: Повести. М.: Мартин, 2014. С. 246.

² Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2 / под ред. П. Вячеславова. М.: Правда, 1964. С. 101.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломова Е., Хавайдарова М., Есимбек С. Морально-этическая концепция художественной прозы А. Куприна // *Science of Europe*. 2020. № 48. С. 48–51.
2. Смирнова Л. А. Прозаики Серебряного века. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 360 с.
3. Хатидже Б. Троице-Сергиева лавра в художественном восприятии писателей XX века (А. И. Куприн, И. С. Шмелёв, Б. К. Зайцев): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 27 с.
4. Шалацкая Т. П. Автобиографизм прозы А. И. Куприна // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные исследования*. 2018. № 2 (19). С. 92–94.

REFERENCES

1. Lomova E., Khavaidarova M., Esimbek S. [Moral and Ethical Concept of A. Kuprin's Fiction]. In: *Science of Europe*, 2020, no. 48, pp. 48–51.
2. Smirnova L. A. *Prozaiki Serebryanogo veka* [Prose Writers of the Silver Age]. Moscow, MRSU Ed. Off. Publ., 2014. 360 p.
3. Khatidzhe B. Troitse-Sergieva lavra v khudozhestvennom vospriyatii pisatelei XX veka (A. I. Kuprin, I. S. Shmelev, B. K. Zaitsev): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The Trinity Lavra of St. Sergius Lavra in the Artistic Perception of Writers of the 20th century (A. Kuprin, I. Shmelev, B. Zaitsev): Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2019. 27 p.
4. Shalatskaya T. P. [Autobiographical Prose of A. Kuprin]. In: *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Series: Humanitarian Research], 2018, no. 2 (19), pp. 92–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихомирова Алла Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: allaostromirova@mail.ru

Ильина Екатерина Анатольевна – магистрант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: ilkat98@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla O. Tikhomirova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: allaostromirova@mail.ru

Ekaterina A. Ilyina – Master's Degree Student, Department of Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: ilkat98@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тихомирова А. О., Ильина Е. А. Многоаспектность образа врача в прозе А. И. Куприна // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2022. № 2. С. 78–83.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-78-83

FOR CITATION

Tikhomirova A. O., Ilyina E. A. A Multifaceted Image of a Physician in A. Kuprin's Prose. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 78–83.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-78-83